

Маленький апельсин проспал до самого рассвета. Когда он проснулся, фигуры рядом уже не было — лишь остался едва уловимый запах феромонов.

Не став умываться, он толкнул дверь балкона и вышел наружу. Опустившись на пол, он прижался к краю дивана и устремил взгляд вдаль.

Небо сегодня было серым, тяжелые тучи давили, не давая вздохнуть. Дикие лебеди, обычно плававшие в озере, исчезли, оставив лишь рябь на воде, которую тревожил ветер.

Взгляд Чэн Юя постепенно пустел. Он обхватил живот руками — трудно было понять, болит ли желудок или что-то другое. Его тело покрылось холодным потом, и хотя ледяной ветер пробирался под тонкую пижаму, он, казалось, ничего не чувствовал.

— Га?

Жемчужина размером с монету, скатившись по вмятине на диване, ударилась о его ногу. Холодное прикосновение заставило хрупкую фигуру вздрогнуть. Он механически поднял голову.

На бледных щеках не осталось ни капли крови, сухие губы мелко дрожали, а в пустых глазах читалось лишь забвение, словно перед нами была потерянная душа.

— Га-га-га-га-га-га!

Черная тень забила крыльями, в панике бросаясь к хозяину.

— Что случилось? Почему такая паника? — Опу, которого Мелок вцепился в воротник, был озадачен.

— Га-га-га-га! — Чернеет!

— Кто? — Опу растерялся. Какое еще почернение? Раньше эта птица интересовалась только блестяшками!

— Га-га, га-га-га! — Апельсин! Превращается!

— Апельсин? Чэн Юй! Маленький предок!

Опу больше не медлил. Крикнув, чтобы кто-нибудь позвонил Бай Яню, он в два прыжка взлетел по лестнице.

— Боже мой! Не двигайся, маленький предок, умоляю, не двигайся!

Влетев на балкон вслед за Мелком, Опу увидел Чэн Юя, сидящего на перилах. Это было не почернение, это была попытка свести счеты с жизнью! Хотя это был всего лишь второй этаж, при таком телосложении маленький предок мог разбиться в лепешку.

Опу сорвал голос, крича, но Чэн Юй, повернувшись вполоборота, был погружен в свой собственный мир и не обращал на него никакого внимания. Опу мог лишь приказать Мелку быть наготове: если Чэн Юй хоть немного качнется, немедленно подхватить его.

— Чэн Юй!

Дрожащий голос прозвучал одновременно с тем, как фигура хозяина сорвалась вниз.

Опу невольно поднял большой палец вверх — он получил новое представление о скорости своего господина.

Получив звонок, Бай Янь не стал ждать машину — он полностью обратился в зверя и помчался домой. Десятиминутный путь он преодолел за четыре минуты.

Знакомый запах окутал маленького апельсина.

— Больно.

Мягкий голос, полный детской обиды, мгновенно лишил Бай Яня всякого гнева.

«Если у него случится приступ, тело может перестать слушаться мозга», — слова психолога всплыли в памяти. Неужели это и есть тот самый случай?

— Где болит? — Бай Янь, сбросив звериную форму, подхватил его на руки и понес в дом.

Тело человека в его объятиях было пугающе холодным, а руки — словно лед.

— Иди, набери горячую воду!

Опу, не раздумывая, бросился выполнять приказ. Когда вода была готова, Бай Янь прямо в одежде опустил Чэн Юя в ванну.

— Приведи Эйса, — Бай Янь придерживал Чэн Юя, который все еще сжимал живот, не в силах сказать, что именно болит. — И психолога тоже позови.

Когда Опу ушел, Бай Янь начал без всяких ограничений излучать успокаивающие феромоны. Он вытирал полотенцем пот с его лба — холодный пот уже намочил серебристые волосы.

— Все еще больно?

— Голова болит.

Чэн Юй снова схватился за голову, мучительный стон вырвался из его горла, словно крик из самой глубины души. Он закусил нижнюю губу до крови.

Желудок скрутило, словно в шторм. Чэн Юй, борясь с собой, выбрался из ванны и, припав к раковине, издал рвотный звук. К горлу подкатила горечь. Тошнота не отпускала, и даже когда желудок опустел, его продолжало выворачивать наизнанку.

Горло горело, будто обожженное кислотой. Он тяжело дышал, но это не приносило облегчения. Чэн Юй был настолько слаб, что не мог стоять. Бай Янь поддерживал его, позволяя опереться на себя, и открыл кран, смывая следы рвоты.

— Прополощи рот.

Он набрал воды в стакан и поднес к его губам, тихо уговаривая. Когда Чэн Юй прополоскал рот, Бай Янь подхватил его на руки и вышел из ванной.

Он не стал класть его в кровать, а сел с ним на диван, предварительно заперев балкон и прибавив отопление в комнате. После рвоты Чэн Юю стало немного легче, и он, прижавшись к груди альфы, прислушивался к мерному стуку сердца.

Он все еще жив.

— Хочешь воды? — осторожно спросил Бай Янь.

Ответа не последовало.

В горле Бай Яня запершило — это проснулась тяга к курению. С тех пор как он привез его домой, он почти не курил, боясь навредить. Теперь же он понял: не дать ему умереть — уже сложная задача.

— Господин Бай, — Слов привел Эйса и психолога. Опу остался внизу: как омега, он не мог выносить феромоны альфы уровня 3S, даже если они были успокаивающими.

— Осмотрите его. Он все время кричал, что болит, но не мог объяснить где, и его рвало.

Бай Янь хотел было опустить его, чтобы Эйс было удобнее, но малыш намертво вцепился в его воротник.

— Пусть будет так.

Эйс с помощью медицинского робота просканировал тело Чэн Юя.

— Никаких физических отклонений, — гласил отчет. Кроме того, что было выявлено ранее, других заболеваний не обнаружилось.

— Позвольте мне, — вперед вышла Мики, психолог. Из троих специалистов осталась только она — двое других погибли, пытаясь проникнуть в поместье прошлой ночью.

Мики наблюдала за состоянием Чэн Юя и, сопоставив слова Бай Яня, сделала выводы. В отчете она написала: депрессивная соматизация, суицидальные наклонности.

— Ранее вы говорили, что случаев самоповреждения не было. Боюсь, это уже нельзя назвать просто самоповреждением, это склонность к суициду. Господин Чэн ведь не впервые в таком состоянии?

Действительно, когда они впервые встретили Чэн Юя, он пытался покончить с собой.

— Господин Бай, это... — Слов, обычно такой разговорчивый, не знал, что сказать.

— Да, это второй раз, о котором я знаю, — ответил Бай Янь, глядя в пол.

— Господин Бай, у меня есть основания полагать, что причина кроется не только в двух годах, проведенных в исправительном учреждении.

За два наблюдения характер Чэн Юя стал ему ясен: он четко разделяет то, что любит, и то, что ненавидит, и у него есть подсознательный инстинкт самосохранения. Но это не исключает суицидальных наклонностей. Обычно, когда у пациентов с депрессией случается приступ, ими управляют эмоции. В такие моменты мозг не может правильно интерпретировать сигналы тела, совершающего опасные действия.

Бай Янь слушал объяснения Мики, и боль в его сердце становилась невыносимой. Кончиками пальцев он погладил его сухие серебристые кудри.

Успокаивающее движение заставило малыша поднять голову и потереться щекой о его шею.

— Больше не болит, — прошептал он едва слышно, но необычайно нежно.

Непонятно, сказал ли он это о себе, или просил его не переживать.

— Да, больше не болит.

Пока он рядом, он защитит этого маленького зверька до конца своих дней.

Слов увел людей. У него появилось дело. Хотя Бай Янь не отдавал приказов, он был рядом с ним пятнадцать лет и знал, что нужно делать, даже без слов.

— Куда ты? — Эйс схватил Слове за рукав.

— Пойду изучу семью нашего маленького предка, — не скрывая, ответил Слов.

Эйс отпустил его руку, голос его звучал тревожно: — Тогда иди, выясни все до конца.

Называть Чэн Юя маленьким предком было не шуткой. Он был на несколько лет моложе его, как же он мог пережить столько горя?

После ухода Слове Эйс нашел Опу, ждавшего на лестнице: — Веди меня в подземелье. Нет, сначала кое-что возьмем.

— Ого, наш кролик решил показать зубки? — Опу был удивлен. Что там наверху произошло, если даже кролик вышел из себя и решил действовать лично?

— По дороге расскажу.

Эйс не мог ждать ни секунды, у него чесались руки — он хотел причинить боль тем, кто обидел Чэн Юя.

— Что это? — Опу с любопытством наблюдал, как тот достает из холодильника две прозрачные ампулы.

— Яд Эмбер, — голос Эйса был равнодушным, словно он держал физраствор. Эмбер был контрактным зверем Слове, черной мамбой, и о том, насколько ужасен ее яд, можно было не говорить.

— Разбавленный. Возьми 20 мл и вколи им.

По дороге Эйс немного остыл, но так и не смог переступить через свою врачебную этику — он не мог пытаться лечить людей собственными руками.

В комнате Бай Янь хотел было убаюкать Чэн Юя, но маленький апельсин был полон сил, совсем не похож на того, кто только что пережил приступ. Его розовые пальчики скользили по татуировке, тянувшейся от шеи вниз. Широкая и крепкая грудь альфы мерно вздымалась при дыхании, и Чэн Юй чувствовал эту вибрацию.

— Похоже, в будущем мне придется носить тебя в кармане.

Бай Янь перехватил его беспокойные руки — мягкие, словно без костей. Лишившись возможности исследовать татуировку, Чэн Юй издал недовольный звук, но глаз не сводил с его груди.

— Нравится? — Чэн Юй уже не раз выражал симпатию к его татуировкам, пусть и довольно странными способами.

Маленький апельсин кивнул. Его фиолетовые глаза впервые засияли, словно в них спрятали звезды.

— Это оберег семьи Бай.

Каждый глава семьи Бай после совершеннолетия наносит эту татуировку. Это символ передачи крови и признание статуса главы. Говорят, предки Бай получили его от божества, пришедшего с Голубой планеты, и он дарует главе божественную защиту.

<http://bllate.org/book/22320/2337261>